

**Души партитура.
Сборник стихотворений.**

Наталья Гончарова

Наталья Гончарова
Души партитура.
Сборник стихотворений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71621254
SelfPub; 2025*

Аннотация

Сборников стихотворений о жизни, о времени, о нас.
Рифмованное скитание человеческой души по дороге в
неизвестность.

Содержание

Рукопись	4
Творец	5
Писатель в самиздате будто бос и наг...	6
Мне говорят, поэзия мертва	7
Алконост	8
Кирпич хранит лишь образов размытых очертанья	9
И чрево площади насытится толпою...	10
Поэма «Космическая Илиада»	11
Сонет	14
И волны глубоко вздыхали...	15
У самой длинной ночи есть такое свойство...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Наталья Гончарова

Души партитура.

Сборник стихотворений

Рукопись

Корабль бумажный, где тело его белый лист, а кровь его чернила.

Спуская на воду, с руки, от плоти отрывая,
Как белое перо, как облако небесного крыла.
Дрожит, колышется, в речной слюде мерцая.
Он невесом и хрупок и наивен, будто бы дитя,
Но так отважен, и так отчаянно мечтает о далеком крае,
Чтобы попутный ветер, нежно и любя,
Взяв за руку, довел его до края.

Творец

Остывший солнца диск, внезапно упадет
В прожорливое брюхо немого великана.
И ночь печальной тенью обоймет,
Столкнув земную сферу на дно глубокого кармана.
Там звезды, будто хлеба крошки,
Там тихо сидя у окошка
Творец вселенной с клубком земною пряжи
Судьбы людской узор неспешно вяжет
И нить в руках, касаясь спиц, в тот час же исчезает
В земную пыль планеты превращает.

Писатель в самиздате будто бос и наг...

Писатель в самиздате будто бос и наг,
Иль только в рубище из испещренных текстом листьев.
Он странник, он безымянный путник и всеми позабытый
маг

С уставшим и ненужным скарбом рукописей пожелтевших

Хранитель осени и отслуживших срок иголок от хвои,
Страж памяти, гвоздик и васильков отцветших
В отчаянном желании, чтобы его воспоминания стали как
твои.

Без сонма критиков и штата редакции,
Гранящих грубый камень слова и потерянного смысла.
Обрывки фраз, осколки звуков, давно забытой струнной
партитуры,

Напоминающих паденье вверх и вниз отчаянное восхождение,

В бессмысленной надежде обрести утраченное вдохновение,

Чтобы пера дыханьем оживить остывшее мгновение,
Печатью вечности скрепить иллюзию бессмысленного
провидения.

Мне говорят, поэзия мертва

Мне говорят, поэзия мертва,
Как стопка хвороста, сгоревшего дотла.
Златых умов бесцельное уменье,
Кристалльных чувств внезапное прозренье,
Забытых навыков былое мастерство,
Романтизировать людское естество.
Но я, в наивности, бунтуя и не соглашаясь,
Взяв в руки с дрожью горстку зОлы,
Как по реке на дне гондОлы,
Глазами к небу устремляясь,
Изгибов букв, рукой, едва касаясь,
Скользя по тексту вдоль речного русла,
Как если б розами с шипами путь мой устлан,
Рифмованных скитаний узкая тропинка,
Гонимая ветрами мелкая пылинка,
В такт друг за другом волн ритмичных,
Как звуков музыки статичных,
Ассиметричных строк нестройный ряд,
И мерных звуков поэтичный взгляд,
Расцветив сепией, словесную картину,
Из оглушающего шума вышел на равнину,
Где ловких рифм забытое искусство,
Рождает в человеке возвышенное Чувство.

Алконост

Город – призрак и город – печали,
Ты Алконост заснеженной дали.
Ты ладья моей маленькой доли,
Молчаливой и горькой юдоли.
В ледяной и прозрачной купели,
Снежных пустошей дом свиристели.
Там где выюги – зимы менестрели,
Белой вечности злые метели,
Поют песнь нерассказанной боли,
Укрывая снегами постели,
Где река спит в земной колыбели.

Кирпич хранит лишь образов размытых очертанья

Кирпич хранит лишь образов размытых очертанья,
Где улицы полны утраченных воспоминаний
О том, что сказано или не сказано за сотню лет,
От них осталось только звезд мерцанье,
Да тишина проулков принявших немой обет.
Где одинокой лампы тусклый свет
Своей рукою укрывает стыдливые признанья,
Нечаянно украдкой оброненных,
Беспечных и безудержных влюбленных,
Произнесенные под аркой у полуразрушенных пальметт.

И чрево площади насытится толпою...

И чрево площади насытится толпою.
В калейдоскопе лиц лишь прошлого былая мгла,
И смоев вечности безбрежною волною,
Чрез сотню лет от них не станет и следа.

Поэма «Космическая Илиада»

Одиноким космическим странник,
Отдаленных галактик изгнанник,
Отгоревшей звезды Белый карлик,
Как плащом укрываясь в Туманность,
На надежном плече Ориона,
Погибая, нашел утешенье,
Истекающих лет сожаленье.
Перед вечностью царств Персефоны,
Принимая материи тленность,
Хрупкой жизни конечную бренность,
Неизбежности горькую данность,
Что грядет, ни на что не взирая,
И тихонько свой век доживая,
Охлажденное сердце спасая,
Руки страха к огню простирая,
Согреваясь от братьев Атлантов,
Раскрасневшихся космоса углей,
Из самой черноты преисподней,
И раскрашенных в цвет Амарантов,
Что растут на далекой планете,
Над ночным небосводом которой,
Орион – безрассудный охотник
Из безумной любви к Андромеде

Жаркой страсти слепое дыхание
Расточает, роняя кометы.
Млечных пастбищ сады обгоняя,

Пролетая со скоростью света,
Осыпая с небес персеиды,
Что сгорят, в темноте пролетая,
Над землей, где растут Амаранты,

Самоцветов живые гиганты.
Где луна – диск грошовой монеты,
Как прожектор небесного света
Для людей, что живут на планете,
Одиноким небесном ковчеге,
На затерянном каменном берегу,
Звездной пыли немые потомки,
От божественных копий обломки.
И глядят на поникший половник,
Мечт, несбывшихся, грустный виновник,
Поглощенных земными страстями,
Ценность звезд, измеряя морями,
Нарекая земли маяками,
А себя, представляя Богами.
И не видя космической драмы,
В глубине бесконечной вселенной,
Как бесстрашный и дерзкий охотник,

Орион на ночном небосводе,
В главной партии пьесы нетленной,
Где Плеяды кружат в хороводе,
Чужих горестей, не замечая,
В бессердечном и юном забвенье,
Мимолетности жизни мгновенье.
Но грустит на плече Ориона
Белый карлик как Белый старец,
Вновь невинен как Белый агнец,
Помня, что его ждет Персефона
Тихо просит конца приближенье,
И, услышав, без звука стенанья,
Черной мантией, смерть укрывает,
Жизни свет собой поглощает,
Белый карлик во тьме угасает.
Неизбежное строк завершенье
Заурядной космической драмы,
Что в основе всего Мирозданья.

Сонет

Сколько на долю приходится бед,
Лишь на щеке от слезы знает след.
О разрушениях хладного града,
Знают лишь жители летнего сада,
Ломаных веток цвета мадеры
Только набравших малиновый цвет,
Рдяный, ажурный, молодой бересклет.
Как смертоносны и гибельны ветры
Знает забредший в леса бедный путник
Тот, для кого лишь луна горький спутник.
Знают и жмутся друг к другу пичуги,
Как разрушительны зимние выюги.
Истинных чувств глубину точно знает
Тот, кто испытывал, тот, кто страдает.

И волны глубоко вздыхали...

И волны глубоко вздыхали
В ногах взволнованных влюбленных,
Соленым бризом опоенных,
Вином любовным опьяненных,
Природой красоты плененных
На берегу где скалы красный порфирит.
И звезды трепетно мерцали
Над головой соблазненных,
Луной одной лишь обрученных,
Друг другом без остатка поглощенных,
Попутным ветром унесенных
За горизонт, где неба цвета лазурит.

У самой длинной ночи есть такое свойство...

У самой длинной ночи есть такое свойство
Вселять в людские души беспокойство.
И чем пронзительней луны прозрачное свечение,
Тем большее в сердцах кипит волнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.